

Форма эрмитажной чаши в основном полностью повторяет форму чаши из станицы Даховской, с той лишь разницей, что первая имеет более низкое тулово.

Как и чаша из станицы Даховской, эрмитажная чаша опоясана отдельными рельефными изображениями, состоящими из тех же театральных вакхических масок, фигур танцующих актеров, отдельных предметов. И здесь мы видим маски, фигуру танцующего Силенна, изображения ритона на канфаре, свирели, тирса, дерева и др. Время чаши, несомненно, определяется первыми столетиями н. э. Стиль рельефных изображений эрмитажной чаши несколько отличен от стиля аналогичных изображений на чаше из станицы Даховской (и это заслужило бы специального анализа), но общее единство стиля обеих чаш не оставляет сомнений.

Любопытно заметить, что эрмитажная чаша рассматривалась как примыкающая к торевтике римских центров северного Египта (изделия александрийского круга). Однако, по любезному сообщению К. В. Тревер, покойный О. Ф. Вальдгауэр в личных беседах по поводу эрмитажной чаши решительно исключал ее из изделий александрийского типа и настойчиво сближал ее с аршакидами.

Наша чаша служит разительным подтверждением заключений покойного исследователя. Именно к парфяно-армянским аршакидам ведет нас и чаша из станицы Даховской, паспортизированная по месту находки. Филэллинство аршакидов известно. Верхушка общества Парфии и Армении первых столетий н. э. тяготела к Средиземноморью, к Риму и его культуре. Придворными мастерами правителей Парфии и Армении являлись греки и римляне или их выученики. Парфия, как известно, всегда была мощным очагом и проводником эллинистических форм на Кавказе, что делает закономерным нахождение чаши аршакидского цикла в пределах майкопской округи. Желательно скорейшее издание замечательной эрмитажной чаши с подробным описанием в хороших фототипических воспроизведениях. Необходимы, наконец, анализ материала эрмитажной чаши и сличение данных этого анализа с данными анализа материала нашей чаши¹.

Последняя служит яркой иллюстрацией живых связей Юга СССР с Ираном, с древней Арменией первых веков н. э. в частности.

Б. Лунин

Первая научная конференция Института археологии Академии наук УССР²

Первая научная конференция Института археологии Академии наук УССР, состоявшаяся в Киеве, в январе 1939 г., была посвящена изучению Трипольской культуры. В работах конференции принимали участие, помимо работников украинских научных учреждений—Института археологии АН УССР, Киевского университета, Центрального исторического музея и других музеев УССР,—представители братских союзных республик—Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР и Института истории Академии наук БССР.

В 14 докладах, прочитанных на заседаниях конференции, удалось подвести итоги археологической работы, которая была широко развернута в последние годы по изучению «Триполья». Так, доклад Т. С. Пасека (Москва) был посвящен исследованиям родового трипольского поселения, систематически раскопанного в течение 5 лет Трипольской экспедицией, близ сел. Халепье, Обуховского района, Киевской обл.

¹ В связи с даховской и эрмитажной чашами отметим любопытную находку из Херсонеса в виде «черепка тарелки красной глины с лепными изображениями мужской головы, каких-то орудий, бегущего влево мужчины и бегущей вправо антилопы», ОАК, 1893, стр. 55, рис. 33.

² Извлечения из доклада Т. С. Пасека, прочитанного 28 февраля 1939 г. на заседании МОИИМК.

(урочище Коломищина). Новые археологические данные, полученные в результате этих раскопок, дали возможность впервые раскрыть целиком родовой поселок. Выяснено, что отдельные наземные глинобитные жилища располагались на нем двумя концентрическими кругами. Такая система расположения создавала определенную замкнутость и укрепленность населенного пункта. Вопреки мнению В. В. Хвойко, Э. Р. Штерна и других, считавших трипольские «площадки» памятниками погребальными, со всей четкостью установлено жилое назначение таких построек. На поселении Коломищина преобладали большие многосемейные домохозяйства. Значительное колебание в размерах отдельных трипольских «площадок» на поселении может быть объяснено постоянно происходившим расширением жилищ. Такое расширение было необходимо в силу разрастания населявших их родовых коллективов и выделения отдельных парных семей в самостоятельные домохозяйства.

Специально вопросам домостроительства в эпоху «Триполья» был посвящен доклад Е. Ю. Кричевского (Ленинград), остановившегося на проблеме трипольских «площадок» на основании новых данных, открытых на поселении Коломищина. Раскопки на Коломищине выяснили главнейшие черты конструкции трипольских жилищ—устройство фундамента с характерным использованием деревянно-глиняной настилы, приемы построения обожженных глиняных полов, особенности постройки печей; наконец, раскопки 1938 г. определили систему столбов и двухскатную крышу. Докладчик выделяет два основных принципа внутреннего функционально-конструктивного деления трипольского дома. Это деление, с одной стороны, было связано с тем, что население каждого трипольского дома образовывало единый хозяйственный организм. С другой—это деление связано с тем, что в составе каждого родового коллектива, населявшего один дом, было несколько или много парных семей. Раскопки на Коломищине служат основой для классификации всех донные известных монументальных памятников «Триполья», открытых на обширной территории Днестровско-Днепровского бассейна.

Исследованию керамики и строительных материалов трипольской культуры посвящен на конференции доклад О. А. Кульско́й (Киев), подвергнувшей химико-технологическому анализу различные сорта трипольской керамики. Черепки расписной посуды в большинстве случаев пористые, незначительной твердости, с обжигом до 900—1000° С. Внешний вид и химический анализ указывают на то, что в эпоху «Триполья» умели достаточно хорошо управлять окислительным и восстановительным процессом обжига. В керамической массе нерасписной посуды часто находятся примеси измельченных ракушек и известняка. Эти примеси прибавлялись для отощения пластичных глин и для увеличения прочности, а также для понижения стойкости и температуры плавления. Все эти данные говорят о том, что при изготовлении различных керамических изделий в достаточной мере, конечно, учитывалось назначение и употребление сосудов.

Ряд опытов кострового обжига глины, поставленных на месте раскопок и в специальных лабораторных печах, заслуживает большого интереса. Благодаря им установлено, что находимые в трипольских жилищах остатки обожженной глины служили строительным материалом («вальки» и плитки), который предварительно обрабатывался, обжигался и использовался затем для различных конструктивных частей постройки.

Результаты этих опытов совершенно опровергают выдвигаемую некоторыми учеными точку зрения, что глиняная обмазка, находимая в трипольских «площадках», представляет остатки глины, подвергавшейся обжигу лишь во время пожара трипольского жилища.

Химико-технологическое исследование глин, добытых в районе, где производились раскопки, показало, что для производства керамических трипольских изделий и строительного материала пользовались глинами местного происхождения.

Это окончательно разрушает гипотезы о завозном характере расписной посуды в «Триполье», и тем самым, вопреки указаниям, имеющимся в литературе, отпадает важный аргумент в пользу объяснения происхождения «Триполья» как куль-

туры, пришедшей в Днестровско-Днепровский бассейн с Востока или из Средиземноморья.

И. Г. Пидопличка (Киев) в своем докладе «Фауна и ландшафт времени трипольских поселений» остановился на характеристике древнего рельефа и физико-географических условий в пределах Киевско-Трипольского плато. К моменту появления трипольских поселений, по мнению И. Г. Пидоплички, в районе Киев—Халепье местность эта сохраняет поймообразные черты. Наблюдение геологических разрезов показывает, что в то время на плато были озера с униодами и прочими водянными животными. Уровень реки Днепра стоял выше современного, и это обуславливало и более высокий уровень стояния грунтовых вод, что создавало в определенные сезоны года (весна, осень) условия сильной увлажненности мест оседлых трипольских поселений. В подтверждение указанной характеристики ландшафта докладчик приводит список обнаруженных в трипольских поселениях животных, которые связаны с болотно-лесными и речными пространствами (лось, дикая свинья, бобр, водяная крыса, речная черепаха и др.); из диких животных следует отметить благородного оленя, косулю, барсука. В составе домашних животных обнаружены кости быка, овцы, свиньи, козы, лошади, собаки, кошки, возможно, курицы, гуся и утки. Все это говорит о сравнительно высоком хозяйственном развитии родового общества в ту эпоху. Для археологических выводов интересно отметить, что и «поймообразный лугово-степной характер местности обуславливал наличие богатых пастбищ, наличие больших свободных от леса участков, что характерно почти для каждой поймы или поймообразной местности и что создавало хорошие условия для земледелия (учитывая лессовидную почву). Наличие дубовых деревьев как источника жолудей могло благоприятствовать (наряду с зерновыми культурами) разведению свиней».

Кроме вышеперечисленных докладов на основании раскопок последних лет на поселении в урочище Коломищина, на конференции были заслушаны сообщения о новых исследованиях памятников «Триполья», открытых в других районах на территории УССР.

П. П. Куринный (Киев) в своем докладе на основании раскопок (1938 г.) Центрального исторического музея в Киеве, ул. Фрунзе, д. № 81 (бывш. усадьба Свято-славского), рассмотрел интересный вопрос о характере землянок, существовавших в эпоху «Триполья» и открытых здесь в 1895 г. В. В. Хвойко. Новые раскопки показали, что так наз. «землянки», открытые здесь на Киевских высотах, не являются жилищами подземного типа, о которых писал Хвойко, а представляют, вероятно, остатки «нескольких очажных ям в больших наземных домах». Делая заключение о хронологии открытых находок, докладчик считает, следуя мнению В. В. Хвойко, что трипольский поселок в Киеве, улица Фрунзе, д. № 81, относится «к скотоводческо-земледельческому этапу развития, но сохраняет много черт охотников, собирателей и рыболовов, т. е. относится стадияльно к более раннему этапу развития общества в Днепровском бассейне, до приручения животных и освоения земледелия». Такая точка зрения П. П. Куринного, определяющего комплекс находок из киевских землянок со шнуровой и штамповой керамикой как принадлежащий к наиболее раннему этапу «Триполья», встретила возражения со стороны Е. Ю. Кричевского, Т. С. Пасек и др. В дальнейшем, в прениях внимание было сосредоточено на вопросах происхождения Трипольской культуры, этапах развития и «исчезновения» ее в эпоху бронзы. В связи с этим на конференции было дополнительно сделано сообщение Е. Ю. Кричевским на тему «Об „исчезновении“ Трипольской культуры», которое опровергало взгляд П. П. Куринного на «примитивный», «ранний» характер комплекса находок из землянок В. В. Хвойко и из новых раскопок (1933 г.) на улице Фрунзе, д. № 81 в Киеве. Вместе с тем оба эти доклада и последовавший за ними обмен мнений выяснили необходимость в дальнейшем уточнить характеристику основных стадий развития Трипольской культуры на территории УССР.

Основное наблюдение над стратиграфией западноевропейских памятников с расписной керамикой, известное по раскопкам в Кукутенах, в Румынии (слой Кукутени А и В), за последние годы дополнилось новыми открытиями. Так, в Молдавии, близ

Изваара, на одном из поселений обнаружено два культурных слоя¹. Верхний—Изваар II, содержащий полихромную керамику, оказался синхронистичным древнейшему слою в Румынии—Кукутени А. В отличие от этого, нижний слой—Изваар I—должен быть характеризован преимущественно сосудами с углубленным орнаментом, типичным и для ленточной западноевропейской керамики.

После открытий в Молдавии необходимо пересмотреть имеющиеся в научной литературе классификации памятников «Триполья», выдвинутые В. В. Хвойко, а в последние годы Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевским.

В. П. Петров (Киев) сделал сообщение о раскопках близ сел. Городск (Житомирской обл.). Поселение, раскапывавшееся здесь в 1936—1937 гг., должно быть отнесено к позднему этапу развития «Триполья», к переходному периоду эпохи бронзы. Характерной особенностью поселения представляются остатки наземных построек с глиняными печами и отсутствие «площадок», обычно характеризующих постройки «Триполья» в других районах.

Кроме того, на конференции были сделаны сообщения о раскопках, проведенных в южном районе распространения «Триполья». М. Л. Макаревич (Киев) остановился на раскопках, проведенных в 1928 г. С. С. Гамченко у сел. Белый Камень (Винницкой обл.), где было раскопано шесть «площадок», прямоугольных по форме, с остатками печей и где были открыты (между «площадками») скорченные погребения с медными украшениями (височные кольца и браслеты), относящиеся ко времени более позднему, чем «Триполье».

Особое внимание на конференции было уделено материалам из раскопок Одесского музея. Археологические исследования 1938 г. у сел. Сабатиновки (Грушковского района, Одесской обл.) положили начало изучению Трипольского поселения по течению реки Буга². Аналогичный комплекс находок был открыт ранее по среднему течению Днестра и его притокам. Наличие в Сабатиновке в одном комплексе сосудов с полихромной росписью и керамики со «вдавленным» орнаментом сближает его с находками из Дарибаны II на Днестре³.

Большой интерес вызвали материалы, которые остаются, к сожалению, до сих пор еще неизданными, из раскопок поселения и двух курганных групп у сел. Усатово близ Одессы. В своем докладе «Влияние степного лиманно-морского ландшафта правобережья Украины» А. А. Браунер (Одесса) остановился на рассмотрении хозяйства древнего Усатова. На основании характеристики ландшафта (лиманы, песчаные пересыпи и солончаковая растительность) и климата (небольшая осадочность) одесского побережья Черного моря и сравнивая его с климатическими условиями в среднем Приднепровьи, докладчик пришел к заключению, что для поселений трипольских, открытых в Киевской области, условия для земледелия были чрезвычайно благоприятными, тогда как для района Усатова наиболее подходящим явилось животноводство. Климатические условия на побережье Черного моря таковы, что дают возможность пасти скот здесь почти круглый год. Вместе с тем засушливый климат и налеты саранчи не давали земледелию стать ведущим в хозяйстве. Параллельно с животноводством и охотой (лошадь, сайга, тур, лисица, бобр) развивалось в Усатове рыболовство (сом, осетр и др.), причем хорошую добычу давали море и речки с опресненной водой в верховьях лиманов. На пересыпях были солончаковая растительность и соленые озера, дававшие самосадочную соль. Соль была ценным продуктом обмена. Добыча соли, охота, пастьба овец, рыболовство выпали в Усатове, по мнению докладчика, на долю мужчины, а женщины ведали домашним хозяйством, земледелием, стрижкой овец, пряжей, ткачеством, гончарством.

В дополнение к докладу А. А. Браунера, Е. Ф. Лагодовская (Одесса) сообщила о раскопках Усатовского поселения и курганного могильника. Наряду с характер-

¹ Radu Vulpe, Civilisation précucutaniene récemment découverte à Izvoare en Moldavie. *Esa*, vol. XI, Helsinki, 1937, S. 134—146.

² Информация Е. Ф. Лагодовской (Одесса).

³ T. P a s s e k, La céramique Tripolienne («Изв. ГАИМК», вып. 122, Л., 1935), стр. 69—71.

стикой кремневой индустрии и изделий из кости докладчик остановился на гончарном производстве и обряде погребения в Усатове. Встреченная на поселении и в курганах керамика делится: а) на керамику с росписью, исполненную черной краской, часто наблюдается обводка красным. По стилю и сюжетам росписи, по сравнению с характерной орнаментацией «Триполья», в Усатове отмечается дальнейшее разложение спирального рисунка; б) на керамику серой массы с примесью мелко толченых раковин. Орнамент нанесен оттисками простой и перевитой веревочки.

Огромный интерес представляют находки изделий из меди, появившихся в эту эпоху в Усатове в силу роста обменных отношений. Здесь открыты завозные медные орудия—кинжалы, шилья, тесла, каменные и янтарные бусы, сурмик-антимонит малоазиатского происхождения.

Разделение труда в производстве и развитие обменных отношений обусловили, по мнению докладчика, выделение отдельных родовых семей и дальнейшее социальное разделение. В связи с этим особого внимания заслуживают раскопки курганных погребений, показавших различие в богатстве между мужскими центральными погребениями и дополнительными могилами.

Большой интерес представляет обряд погребений, связанный с культом солнца (кромлехи) и культом быка (в одной из могил было совершено погребение головы быка из камня). Кроме того, в Усатове открыты наряду с курганными погребениями и бескурганые массовые могилы.

Весь комплекс находок в Усатове правильно рассматривается докладчиком как последний этап в развитии трипольской культуры, представляющий одновременно с этим новую стадию в развитии родового общества в северном Причерноморьи. По ряду признаков (керамика, глиняные изображения человека и животных) прослеживается неразрывная генетическая связь с более ранними этапами развития «Триполья», однако в Усатове мы застаем уже иную стадию развития общества—патриархально-родовой строй.

В постановлении, принятом на конференции, были намечены основные вопросы, вокруг которых необходимо в ближайшие годы развернуть полевую археологическую и исследовательскую работу:

а) уточнение основных стадий развития «Триполья» и выявление территориально-племенных различий в памятниках трипольской культуры на всем протяжении ее существования;

б) выяснение моментов стратиграфии в поселениях трипольской культуры;

в) прослеживание процесса развития «Триполья» и разрешение вопроса о происхождении «Триполья» на основе изучения раннеолитических материалов УССР;

г) выяснение взаимоотношений хронологических, географических и культурных с соседними современными культурами (культурой ямочно-гребенчатой керамики, так наз. скорченных костяков и т. д.);

д) выяснение вопросов, связанных с поздним этапом трипольской культуры и ее перехода в культуры эпохи бронзы, и в конечном счете скифскую, на той же территории.

На конференции был намечен план полевых раскопчных работ на ближайшие пять лет на обширной территории УССР. Так, в районе сел. Халепье, Обуховского района, Киевской обл. решено продолжать исследование, поставив раскопки на новом поселении трипольского типа, открытом здесь в 1938 г. Судя по комплексу находок, собранному в процессе предварительной разведки, оно отличается от изученного за последние годы здесь же родового поселка Коломищины и должно быть отнесено к более раннему этапу развития «Триполья». Кроме того, в ближайшие годы признано необходимым расширить раскопки в таких пунктах, как Владимирова, Городск, Усатово, Сабатиновка, Киевские Высоты, и возобновить работы на ранее изучавшихся поселениях у Томашевки и Борисова.

Будут начаты также разведочные работы и на левобережье Украины для выявления здесь памятников трипольской культуры. Значительное внимание должно быть уделено изучению более поздних памятников, хронологически соприкасающихся

с «Трипольем»,—курганам со скорченными костяками, мегалитическим сооружениям, дюнным поселениям и поселениям с находками бронзовых орудий.

Подытожив большие достижения советской археологии в области исследования памятников «Триполья», конференция вместе с тем выдвинула в новой постановке ряд важных исторических задач по изучению первобытно-общинного строя на территории УССР.

Одновременно новые археологические материалы позволяют проследить процесс развития родового общества на территории УССР в III—II тысячелетиях до н. э. Те изменения в хозяйстве и общественном строе, которые наблюдаются здесь на протяжении длительного отрезка времени, указывают на существование различных этапов в развитии Трипольской культуры. Ранние из них возникают на месте и характеризуются матриархально-родовыми отношениями, на поздних мы застаем уже иную стадию развития общества—патриархально-родовой строй и обнаруживаем близость с культурами, распространенными в степной полосе Причерноморья. Всеми этими данными советская археология опровергает буржуазные теории «возникновения» и «исчезновения» «Триполья». Следующая конференция по изучению Трипольской культуры намечена в Киеве в 1940 году.
